

Белые пешки

Книга 1. Фигуры еще не расставлены

Мы сон, мы трава, мы тени скользкие,
Какие-то зыбкие, ненастоящие.
Вращается звёздное небо над нами,
А мы мотыльки на игле мироздания.
Ты кровью своей моё сердце питаешь,
Но мы ненадолго – и ты это знаешь.
Так надо ль сердцами с тобой срастаться,
Ведь может быть, завтра придётся расстаться?
(ДетиДетей. «Ненадолго»)

Пролог Неба

В серой дымке вспыхивает огонек: встречайте очередную вернувшуюся душу. Это так же ясно, как божий день, гениальность пари Паскаля и то, что лучшая закуска под интересную историю — сладкий попкорн. Жаль, попкорн не едят на работе.

Не то чтобы я трудоголик, но, кажется, мы давно и счастливо женаты с моей должностью. Этот брак не дает скучать: на Перекрестке в Посмертье кого только не встретишь, каждая душа — высокобюджетный фильм в отличном качестве, и, заметьте, никакого пиратства. Просто так, в режиме онлайн, и единственный нюанс: никогда не знаешь, что тебе попадется: блокбастер или мелодрама, комедия или хоррор, сладкая сказка или философская притча с элементами артхаусной эротики.

В этом есть драйв. Ну, в том, что живые сами выбирают жанры своим кинолентам, а иногда изобретают эти жанры с нуля. Но чаще все-таки собирают по кусочкам. По кадрам, где смеются или плачут, борются или сдаются, предают или прощают. И любая их история — грустная или веселая, абсурдная или логичная до скрежета зубов, — чёрта с два повторится в точности. Повторяющаяся история — это только наказание, но никак, никогда не сценарий.

Они разные, все до одного. Писали книги, сочиняли музыку, странствовали по мирам и поднимали восстания. Своя поэзия — в тех, кто просто растил детей, разгребал бумаги в конторе, чинил электроплитки... а потом внезапно уезжал в горы, записывался на конкурс певцов, грабил банк. Или не уезжал, не записывался, не грабил — неважно. Главное, они были. И поэтому *в конце фильма* каждый мелькает в нашем небе яркой звездой. Это не свет смерти, это свет жизни. Жизни, что бы ни говорили, не проживаются зря. Они мечтали. Любили. Верили. Вели или следовали. Одним возводили памятники, других сжигали, третьих ждало и то и другое.

Но рано или поздно все приходят сюда. Чтобы, окинув взглядом наше захолустье, сказать: «Так я и думал...». Или «Загробная жизнь? Фу, как скучно». Или совсем тихое «Передайте, там, дома, что я...». Вот тогда я понимаю: на самом деле я, наверное, ненавижу мою работу. И попкорн бы её не спас.

В нашем с Гонерильей ведомстве — горячая психологическая помощь новопреставленным бедолагам, а также — ценные указания, куда им двигаться дальше. На лифт Вниз, к *Расщелине*, либо по мосту Вверх, изредка, совсем-совсем редко, — в сиятельный Витражный Город, тот, что за полем Влюбленных Роз. Забавно... иногда, когда рассеивается туман, нам видны острые шпили, да и путь не дальний. Но мы не говорим о Городе и не ходим туда. Розы не пропустят таких, как мы, розы растут из пролитой крови сердец. Там живут мученики, но не за веру. За любовь, за искусство, за науку или войну, — но не за веру.

Зато мы нередко провожаем в другой город, ближе и скромнее, настолько скромный, что даже без нормального названия. Мы зовём его «Город Мертвецов», чтобы нагнать страху на тех, кто нас бесит. Хотя по сути Город Мертвецов страшен лишь одним. Скукой.

А кого такое не напугает? Убогая провинция звонких трамваев и дешёвых сэндвичей, квартиры-клетушки. Перевалочный пункт, где не властна ни одна сила, добрая или злая. Или властны обе, как посмотреть, ведь именно на *этих* улицах, в *этих* трамваях и *этих* забегаловках добро и зло борются за колеблющихся. Это «Прибежище», как гласит табличка на въезде. Место заблудших. Что-то вроде Преддверия, говоря словами одного земного умника, угадавшего в своё время много наших секретов¹.

Говорят «временно», но на деле временное часто становится постоянным, если дает шанс ничего не выбирать. Многие так и остаются здесь на ПМЖ. ПМЖ в пустоте, неплохо. Всем, кроме одного: ты не вспыхнешь в небе звездой.

— Руби, я принесла тебе. Сливки, сахар и белые ушные пробки.

Коллега вернулась от автомата, что недалеко от лифта Вниз. Кофе там *адски* горячий, самый горячий кофе в Посмертье. Картонный стаканчик перекочевал мне в руки.

— Маршмеллоу, Гонни. На Земле этот зефир зовут «маршмеллоу», на планетном поясе Магелланова Облака — «икихари о до-до», а вот на Луне Водолея...

Она окинула меня уничижительным взглядом, всего, от желтых стилизбых ботинок до черно-красного ирокеза.

— Я зову их «белые ушные пробки».

Гонерилья присела на камень. В руках она хмуро вертела свой дымящийся стакан. Она пьет только ядреный эспрессо без намека на сахар. Черный, как ее жизнь, да еще с лимонной цедрой. И противный, как шекспировское имя, которое она себе выбрала.

— Что это с тобой?

Я сделал глоток, поймал губами подтаявшую зефирку и с хлопаньем втянул в рот. Она как всегда поморщилась, будто перед ней не слишком сообразительное животное, точнее, совсем уж несообразительное, пожалуй. Поправив ленту, держащую собранные в пучок белые волосы, она устало вытянула ноги, прикрытые черной офисной юбкой.

— Ничего.

— М-м-м.

Многие наши разговоры начинались и заканчивались примерно так, за исключением случаев, когда она отвешивала мне подзатыльник за очередную глупость, которую я по ее мнению сделал или сказал. Я бешу её. Да что там, я всех бешу.

Противное выражение, но один тип, охраняющий Мост Вверх, любит обзывать нас с коллегой *офисным планктоном*. Гонни — *Нижняя*, я — *Верхний*. Наверное, нам следовало бы поменяться местами, я ведь неудачник, которому не получить нормальную работу у Лорда, да еще и неудачник с характером говнюка. В конечном итоге, побывав и на чьём-то плече, и на границе между мирами, и даже живым охотником за чудовищами, я оказался здесь, на Перекрестке в Посмертье. С Гонерильей, которой тоже не особо везло. У неё другая проблема: она всегда следовала не правилам, а собственным, неведь откуда взявшимся моральным принципам. От ее действий оставались либо внепланово выжженные пустоши, либо спасенные души. Для *нижних* второе — особенный косяк.

Гонни редко улыбается и не любит болтать. Я бы даже назвал ее угрюмой и скучной, если бы у нее не было таких красивых, длинных, стройных...

— Руби, хватит пялиться на мои ноги.

— Я не пялюсь, я люблюсь. Должно же тут быть хоть что-то прекрасное.

Гонни мрачно посмотрела на блики, играющие на стенах Города Мертвецов далеко-далеко внизу. Так далеко, что даже звон трамвайчиков напоминал комариный писк.

— Руби, а ты любишь тех, с кем мы работаем?

¹ Данте Алигьери.

Разговоры?.. По душам? Я зевнул.

— Смертных, — уточнила она.

Я зевнул снова:

— Они не носят мне кофе. Я тебя люблю, чертовка.

— Ты же *верхний*. — Она зажала в зубах сигарету и вынула из кармана земную долларовую купюру, вспыхнувшую от взгляда. — Ты должен их любить.

— И это мне говорит куколка из котла. Что тебе за дело? Можно подумать, ты любишь.

— А если люблю? — Она усмехнулась и выдохнула дым. — Странно?

— Не особо. Ты же фанатка Лорда, верно?

— Заткнись. — Она еще раз затянулась, не сводя с меня глаз. — Что ты имеешь в виду?

— Нет, ничего. Замяли.

Я поправил золоченый обруч, криво болтающийся на одном из пластмассовых рогов. Тема действительно была больная. Гонни промолчала, уселась на камне поудобнее, обняв руками колени и не глядя на меня. В небе сверкнуло.

— Кто-то скоро прилетит. Загадывай желание.

— Не хочу.

— Тогда я.

— Руби, а откуда так много... *проклятых душ*?

Я, уже погрузившийся в мысли, что бы такое попросить, вздрогнул и чуть не выронил стакан. Тема казалась еще более больной, чем интерес Гонерильи к моему начальнику. Но она хотела говорить о проклятых, значит, мы будем говорить о проклятых. Я, осторожно подбирая слова, ответил:

— Им самим знать лучше. И Лорду. И его семье.

— Ты не понимаешь, Руби. — Она прикрыла глаза. Что это на нее накатило? — Знаешь, я встречала здесь одного человека... капитана корабля. Он был наказан.

Последовала пауза, которой я не понял. Саркастично приподняв бровь, я протянул:

— Хм... сразу все прояснилось, я ведь отмечаю с маргиналами каждый уик-энд... Так что, куда в итоге отправился этот капитан? Он случайно не твой бывший?

— В Город Мертвецов, но ненадолго. Там были не в восторге от него, хотели его сплавить Вниз. Не смогли.

Я зевнул опять. Нить разговора от меня ускользала, как и многие нити, которые тянула Гонни. Может, мы все-таки говорили об ее бывшем?

— Удивительный человек, Руби, — продолжила она. — Да, человек, с Земли. Хочешь, я тебе расскажу о его проклятии?

— Ну давай. — Я отпил еще кофе и приготовился слушать. — И... в шахматы?

С этими словами я выловил пальцами несколько подтаявших зефирок. В конце концов, у нас обеденный перерыв. Почему не убить его особенно бессмысленно?

В небе опять сверкнула звездочка. Привет, кем бы ты ни был. Добро пожаловать в Посмертье.

Говорили много чудищ в людских телах бороздят мир. Много лютых грешников. Много разных ублюдков. Опасайся их, выходя в море, юнец. Опасайся каждого. Но более прочих опасайся его.

Что было в нем дурного? Водил он корабль неведомыми путями, исходил мир от жаркого Востока до Ледяных земель. Там, где другие разбивались, попадали пиратам в лапы или вмерзали в льдины, ему удавалось уцелеть. Невредим был стройный фрегат из черного дерева. У фрегата было имя. Крылатое имя. Сейчас это имя уже знают все, как знают и имя того человека, и даже то, что вроде бы он был голландцем.

Ему везло — так, что от этого пахло дьявольщиной. Слава о нем шла впереди его хищной ростры, уродливой горгульи. Одно имя вгоняло в ужас и гнев как

блистательных командоров, так и пиратский сброд. Никому он не служил. И тех, и других дурачил забавы ради, их неуклюжие суденышки почти неизбежно гибли в бесполезной погоне. А если преследовал он сам, пушки разили без промаха, а реи выдерживали дюжины тел. Мало кого щадили. Повезти могло, разве что если капитану или кому из команды вдруг требовалось послать на Большую Землю письмо, тогда он отпускал пленных гонцами. Да, письма имели цену дороже золота для жертв капитана. Они спасали жизнь, когда золото было бесполезно.

Сам капитан не любил сходить на берег, поговаривали, он не бывал там с юности. Может, потому, что стоило ему пройти по улице очередного городка, как та пустела. С капитаном даже не встречались глазами. Многие верили, что он крадет удачу, — а это смерть для моряка. У него даже была серебряная фляга на поясе. Всегда пустая. Всегда без крышки. Шептались, будто краденная удача лежит именно там. Лежит и даже не пробует упорхнуть. А что там было взаправду, во фляге? Кто знает...

Однажды — видно, ища новых испытаний, когда старые прискучили, — капитан собрался в очередное путешествие. Его манили неведанные земли на другой стороне мира. Плавание предстояло опасное, через капризные проливы. Точно свора псов, здесь рычало множество шальных течений. Свирепствовали шторма. Не было островов, где в случае бури можно укрыться. Проклятые воды. Говорили, сам морской дьявол, прячась, наблюдает за дерзкими судами, пытающимися проскользнуть мимо.

Но что такое дьявол для хозяина крылатого фрегата? Как и всякий, кто долго преуспевал во всём и растерял страх, капитан не уступил. Он пустился в путь, а трусам пригрозил реей. Но никто и не бежал прочь. Люди поверили своему капитану. Как всегда.

Несколько дней и ночей были спокойны, море — ласково и пусто. Все складывалось отлично. Корабль достиг одного особенно крутого, опасного мыса, и команда пришла в волнение. Рубеж. Говорили, здесь уже почти не видели ни Морского Дьявола, ни его дочерей. Матросы начали верить, что капитану их не страшно то, чего боятся все. Многие возгордились, сам он — тоже, и раскупорил ром. На корабле праздновали.

И тогда пробудился ураган.

Он преследовал судно всю ночь. Рвал паруса, шатал мачты, голодные волны смывали с палубы людей. Фрегат с крылатым именем тяжело взбирался на гребни, падал, мучительно стонал, словно живой. Всякий раз ветер отбрасывал его и смеялся ростре в лицо. Мыс не исчезал из виду. Пятно луны за облаками наливалось кровью.

Капитан вначале верил, что вот-вот все снова пойдет, как нужно. Но за ночью был такой же день, и еще такая же ночь, и еще день, и вот снова опустились ненастные сумерки. С каждой волной, каждым смытым человеком, каждым криком ужаса капитан терял веру и терял голову. От ярости. От отчаяния. Что ему было делать? Отступить? Тогда все жертвы зря? Да еще сухопутный сброд будет болтать, что он уступил морю? Ночь летела. Капитан пытался успокоить команду, поредевшую вдвое. Но едва ли что-то могло помочь уцелевшим, кроме пули в лоб: страх людей рос с каждым раскатом грома, с каждым нахлестывающим валом. Да ещё появилась вдруг темная птица и уселась на мачте. Ворон? Коршун? Откуда? С мыса? На десятки миль ни души.

Птица закричала. Выглянула из-за туч луна — посмеяться над глупыми людишками. И отчаявшийся капитан, наставив на нее саблю, дерзко крикнул:

— Эй, за тучами! Продаю душу! Отдам первому демону, который поможет мне! Я не вернусь, не достигнув цели, даже если придётся плавать до Страшного суда.

Капитан расхохотался. Снова грянул гром. Клятва была принята. А демон...

Демон был поблизости и знал, что до Страшного суда времени очень, очень много. Демон разогнал бурю. Дерзкого капитана опутал полный штиль.

С тех пор блуждает корабль с крылатым именем. Едва покажется вдали земля, что-то отталкивает его от берега — ведь земля-то не та, к которой он держит курс. И вернуться тоже некуда, ведь не было у гордого капитана любимой, не было семьи, не было даже друзей. Никто не оплакивает, не ждет его и не молится о его спасении. Никому он не нужен.

Незрим призрак с истрёпанными парусами. Не видно просоленной ростры, у которой давно отбило левое крыло. Гордец-капитан сгинул. Сгинул с верной командой. Стоит он на носу корабля дни и ночи. Сжимает штурвал. Взгляд его пуст, пусто сердце.

Но нет на свете нерушимых проклятий. Раз в семь лет фрегат может зайти в любой порт любой планеты. Капитан ступает на ненавистную сушу.

У него есть три дня свободы. Три дня, чтобы найти хоть кого-то, кто полюбит его всем сердцем, даже узнав правду. Если это случится, проклятье развеется. Корабль и мятежные души наконец уснут.

Вот только капитан не ищет спасителей и никогда не искал. Капитан безудержно пьет, чинит зверства или бьется с лихими людьми все три дня. Капитан тоскует по землям, которых не достиг, и матросам, которых потерял. В пустом сердце давно нет компаса.

— Шах. — Мой конь столкнул с доски ладью Гонерильи. — Глупо. Даже такое проклятье снимается поцелуем любви, ну совсем как в диснеевских мультфильмах. Это он сам тебе наплел? Целоваться не лез?

Она отодвинула короля и резко произнесла:

— У нас говорят, проклятье черного фрегата — один из лучших их спектаклей. Легко получить душу того, кто не умеет проигрывать. Слишком легко.

— И этот тип в какой-то момент отправился в Город? Есть гамбургеры, кататься на трамваях и смотреть кино про Штирлица? Неудивительно, что его выгнали. Ему не место рядом с теми, кто тусуется там, потому что у себя в мире лежит в коме, или не завершил путь, или...

Она, явно рассерженная тем, что я не проникся байкой для слезливых девчонок, дёрнула острым плечом:

— Я не знаю, Руби. Но какая же ты задница.

Я хотел фыркнуть, но фыркание не получилось: повеяло теплым ветерком. Знакомым теплым ветерком. И Задница по имени Руби просто промолчала, как и полагается дисциплинированной заднице.

— Я не могу не согласиться.

Знакомый голос из-за плеча. Эй, что-что?! Он тоже считает, что я...

— Лорд... — Гонни вспыхнула, вскочила, едва не опрокинув доску, и поклонилась.

Лорд стоял рядом. Его неухоженные русые волосы трепал ветер, в глазах отражалось бледное солнце. Я привычно присмотрелся: безмятежное лицо, руки в карманах потрепанных джинсов, запylённые кроссовки, в каких бегают по утрам в надежде продлить себе жизнь. На шее кулон — маленькая голубая сфера, планета. В целом, банальный облик. На Земле таких парней принимают за хиппи или бродяг и нередко сажают в каталажку. Но Лорду чем-то нравится именно такой тип человеческой внешности. Он просто мастер маскировки. К слову, зеленокожие, ползучие и летучие смертные с других планет из него тоже весьма ничего.

— И тебе привет.

На миг пространство дрогнуло, засветилось и расплылось; осталась только четкая фигура и разделяющая нас шахматная доска. А потом все стало как раньше.

Лорд встал за спиной Гонерильи. Я заметил на его поясе нож — привет из недавней командировки. Все командировки Лорда опасны, но эта выделялась: его забросило в окутанный чернотой город, где концентрация ненормальных была по-настоящему высокой, и примерно такой же была концентрация супергероев. Лорд любит вспоминать это, зовет «бесценным опытом». Оттуда у него, помимо ножа, появилось кое-что еще.

Любовь к кофе. И рисованию. Он сказал, арт-терапия здорово снимает стресс.

— Продолжайте. Интересно, чем кончится партия.

Гонни передвинула пешку. Рука у нее дрожала, ход получился неуверенный. Думала она уже явно не о шахматах, скорее о том, где осталась ее набитая косметичка.

— Проморгала. Беру ферзя. — Я потерял руки.

— Мат. — Она вскинула голубые невинные глаза.

— Что? Как? Ты меня обманула!

— Действительно, мат. — Лорд наклонился, внимательно разглядывая фигуры. — Блистательно.

Готов поклясться, во взгляде сверкнула лукавая усмешка. Я обиженно засопел:

— Это все из-за вас.

— Извини. Но, кажется, это из-за того, что ты играешь с хорошим противником.

Мне предстояло убирать фигуры, и я осторожно стал сгребать их в коробку.

— Чем мы обязаны? — спросила Гонерилья. — Не говорите, что вам скучно, мы знаем, как у вас много дел.

Он непринужденно пожал плечами.

— Не многим больше, чем у вас. Просто мне нужно сообщить вам одну новость, да и кофе в вашем автомате лучше, чем Наверху.

Она продолжала тихо и незаметно для него, зато заметно для меня млеть. Было смешно.

— Новость специально для нас? Вот это честь...

— «Честь»? — Он улыбнулся. — Что ты, тем более новость обычна: с завтрашнего дня снова стартуют «Добавочные поколения». Там, на Земле. В последнее время мне не даёт покоя этот народ. Вам, судя по вашему сленгу и тому, чем вы обедаете, тоже. Земное опять в моде?

Слон выпал из моей руки. Лорд наклонился и подобрал его. Я некоторое время тупо наблюдал, как на месте, где покрытая шрамами рука коснулась земли, среди камней пробивается зеленый росток. Если Лорд считает это обычной новостью...

— У вас давно не было проблем? — само сорвалось с языка.

Он нахмурился и, не сводя с меня внимательного взгляда, прищурился. Он не любит категоричности. Наверное, это почти единственное, чего он не любит и что может скверно сказаться на моем окладе, КРІ и персональных бонусах сотрудника Небесной Сферы.

— Я уже слышал это, прежде чем отправиться в тот темный город. Слышу *каждый раз*. Например, когда, давным-давно бывал на Земле...

— Это было еще большее безумие. Помните, *каким* вы возвращались?

Я покосился на изуродованные руки. Тоже больная, запретная для нас тема. Забавно, что виновницей боевых ран Лорда была все та же Земля, которую он сейчас так любит. Сколько ее помню, там калечат все, чего не понимают. Хотя... в той или иной степени это касается всех смертных.

— Тебе нравится, когда все по плану? — напирал Лорд. — В твоём личном деле написано другое.

— А что, сейчас от планов надо отказаться? — в тон ему отозвался я. — Почему? На Земле и так-то не слишком спокойно, революции то бархатные, то «кровь-кишки-мясо». А вы хотите...

Он нетерпеливо меня оборвал.

— Хочу. Знаешь, Руби, земляне вывели интересное понятие — *энтропия*. Что оно означает?

Я почесал в затылке. Гонерилья не преминула меня подколоть и блеснуть:

— Из земных слов он знает только «маршмеллоу» и «попкорн». Энтропия — это мера неопределенности. Так?

Лорд кивнул.

— Именно. И мы ее повысим.

— Да вы с ума сошли! — возмутился я. — Опять! Это же значит...

Лорд и Гонерилья посмотрели на меня с одинаковым строгим выражением. Конечно, она за ним просто повторила, мартышка, но мне все равно стало не по себе, а особенно когда они хором закончили:

— ...что случиться может что угодно.

И они были правы. Еще как может.

«Добавочные» периоды на обитаемых планетах всегда знаменуют нечто вполне определенное. Рождение повышенного, ничем не ограничиваемого количества существ, выбивающихся из скучных, но необходимых любой цивилизации понятий «норма» и «обыденность». Авантюристы. Чародеи. Бунтари. Гении. Всё это, конечно, замечательно, движет вперед, но какое же всё «это» неуправляемое. Буйное. Своевольное. Я люблю буйство, неуправляемость, своеволие и яркие посмертные звезды. Просто обожаю. Но мне не понравилось то, что я услышал. Очень не понравилось.

Гонерилья тоже, когда Лорд отвернулся, поджала губы. На словах она смогла поддержать его, в действительности же у нее достаточно мозгов. Она тоже встревожилась.

В небе мелькнула ещё одна звезда. Но на этот раз я даже не думал о том, чтобы загадывать желание.

— Это не баловство, — снова тихо заговорил Лорд. — Это не прихоть. Необходимость.

Я вопросительно на него глянул. Он поигрывал ножом у себя на поясе.

— У нас есть один *забытый долг*. Его нужно отдать. И боюсь, этого не сделать так просто. Нам нужны...

— Безумие и неопределенность?

Лорд снова улыбнулся:

— Свобода мысли и неожиданные комбинации. Вот что всегда определяет самые гениальные решения. Как в науке, так и в жизни. А теперь... кто-нибудь принесет мне кофе?

Пролог Земли

Тетрадь общая. А4. 120 листов, клетка.

«Правило первое: не читать чужое.

Правило второе: не забирать тетрадь из Дупла.

Правило третье: не исправлять ничего в сделанных записях. Это для потомков».

— Все-таки тут же будут и секреты. Так что не смейте читать!

— Самое забавное, Ника, если ты первая же нарушишь собственное правило. А так по рукам.

— Какой ты вредный, Макс. Ника никогда не нарушает правила, тем более собственные. Я знаю ее с пеленок. И я такая же.

— Ну-ну.

— А ты не ухмыляйся, Крыс! Такая же, такая же!

— А давайте, когда она заполнится, спрячем ее в капсулу времени и зароем... чтобы лет через сто кто-нибудь нашел и прочитал...

— Что за дичь эти капсулы, Ась? У нас их никто не закапывает.

— А вот и не дичь. Серпантинка говорит дело. Лев, ты у нас самый престарелый и самый умный. Подбрось мне парочку аргументов.

— Oh well. Египтяне возводили здоровенные пирамиды — и остались в памяти поколений. Средневековые европейцы строили огромные соборы — и остались в памяти поколений. А что останется от нас, переселившихся во всякие там интернеты? После нашего века? Небоскребы развалятся. Электронные тексты не сохранятся. Бумага истлеет. И что будет? Древние с пирамидами — Средневековые с храмами — огромная дыра в виде нашего времени? Дыра в виде нас? Сашка, Дэн, друзья мои гениальные, я прав?

— Да! Если мир еще будет стоять, если люди не разучатся читать, им будет интересно! Какой ерундой мы страдали!

— И если люди будут селить свои миры на бумаге, Вселенная будет держаться крепко.

— Крепче, чем на самом лучшем скотче.

— Тогда давайте попробуем.

«Ну привет тебе, человек будущего. А хотя я не уверен, человек ли ты. Удивительно даже: загаданные нами двести-триста-четырееста лет еще не прошли, а мне уже любопытно, кто ты: парень, девчонка, разумный зеленый слизень, горячая крылатая инопланетянка или огромный робот, прилетевший с собратьями уничтожить Землю. Если последнее, то хорошо подумай, приятель. Тут здорово.

Раз ты читаешь это, значит, мы мертвы. А может, бесповоротно повзрослели и отказались от своей идеи. А может, ты просто участковый, которому пожаловались на странных личностей, регулярно ошивающихся у старого дуба и прячущих что-то в его дупле? Да-да, вот этого самого дуба на детской площадке, у него еще ствол кто-то покрасил в синий цвет. Если так, привет тебе от одной из нас. У нее тоже погоны. И каждый из нас гарантирует: на этих страницах нет ничего опасного.

Только про нашу жизнь.

Про наш город.

Про глупости в наших головах.

Про нас.

Однажды нас не будет, не будет и тебя. Как не стало когда-то ацтеков, этрусков и десятков других народов. Некоторые из них писали на глине или хрупких свитках — и все пропало. Некоторые не писали вообще — и от них тоже ничего не уцелело. Теперь вот ученые даже сомневаются в их существовании. А мы... знаешь, мы не хотим, чтобы в нас сомневались. Ведь мы есть. И — пока пишем — даже немного верим, что будем жить вечно.

Кто знает?

Макс, Ника, Ася, Марти, Лева, Саша, Дэн, Крыс. 26 апреля 2006 года».

*

Тетрадь в темной шершавой обложке лежала в дупле старого дуба. Она пахла клеем и старой бумагой. Листы — широкие, клетчатые, с нерасчерченными полями — пустовали. Все до единого.

Пока.

Арка 1. Восемь

01.05.2006. Максим Гордеев

«— А все потому, — назидательно сказал мне Зиновий Радонский, протирая стакан и мешая в нем дешевую бесхитростную “Кубу Либру”, — что “Бараний клык” — это узел мира. Так и записывай, умник. Прекрасное начало для вашей повести, или что вы там такое задумали?»

Максим не стал спорить. Просто поставил стакан на стойку и снова взялся за ручку.

«Что мы задумали. Действительно, было бы глупо начинать это где-нибудь в другом месте. Уже третий год мы ходим сюда по вечерам, а иногда и днем. Это наш дом. Насколько может быть домом такое, прости, Зиновий, грязное захолустье».

Зеленый вокзал в сплетении московских транспортных колец, — особенная точка. Здесь никогда не спят, днем и ночью потоки людей курсируют от перронов к выходам в город и обратно. Отсюда идут поезда до Вены, Ниццы, Будапешта: длинные экспрессы медленно, а потом быстрее и быстрее удаляются, и в окнах колышутся занавески. Вагоны обретают жизнь. Жизнь в долг, всего на несколько дней. Но все-таки жизнь.

Поезда уходят, вокзал остается. В «Бараний клык» приходят скучающие, блуждающие, потерянные.

А также просто любители выпить.

А также — те, кому снятся странные сны и видятся странные истории.

«Есть на вокзалах бары, где не бывает пусто. Они прячутся в коридорах, ведущих прямо к путям. Многие любят их странной безотчетной любовью. Такой бар — часто последний островок привычной жизни, жизни-на-месте. Рубеж между квартирой, купе и неизведанными горизонтами.

Да, Зиновий, дружище, ты прав. Не это ли узел мира?

Галерея магазинов, книжных палаток, кафе. Освещенные помещения, кондиционируемый воздух, чистые стеклянные двери. А в самом конце коридора вдруг покачивается под потолком деревянная табличка, где выжжено и обведено мелом изображение огромного барана. Инспекторы по пожарной безопасности не раз убеждали Зиновия снять ее и поставить наконец дверь вместо портьеры черного цвета. Тщетно.

Он не боится ни огня, ни воров. Хотел бы я посмотреть на того, кто решится обокрасть Зиновия Радонского. Дело даже не в том, что его кулаки по размеру не уступят большой тыкве. И не в том, что на стене за его спиной, прямо над полками со спиртным, висит дробовик, блестящий в тусклом свете светильников — домашних, с засаленными абажурами, украшенными нелепой бахромой. Эти “торшеры-мутанты”, как зову их я, зажигают вечером. Днем помещение освещается благодаря большому, нестандартной формы окну на потолке. Окно в виде четырехконечной звезды. Почему-то я уверен: если посмотреть план вокзала, этого окна там не будет.

Нас всегда удивляло, что милиция равнодушна к наличию у Зиновия крупнокалиберного оружия, к отсутствию разрешения на него, ко множеству других его милых домашних чудачеств. Конечно, стражи порядка редко заходят в

“Бараний клык” — разве что пропустить стаканчик после смены. Иногда еще им приходится разнимать драки, впрочем, Радонский обычно справляется сам. Ему достаточно взять двух зарвавшихся дебоширов и нежно (что в его представлении значит, что черепа остаются целыми, но искр из глаз хватит для прикуривания сигареты) столкнуть лбами. Остальная публика сразу вспоминает о наличии важных дел, детей и желания жить.

Когда бы мы ни пришли, жизнь в “Бараньем клыке” кипит. С десяток посетителей разговаривают, звенит посуда, дым меланхолично перемещается над головами, уползая в приоткрытое окно. Радонский за стойкой беседует с кем-нибудь, у кого при повышении градуса свербит желание излить душу незнакомцу.

Если народу в баре слишком много, у Зиновия появляется помощница. Галя не то дочь, не то племянница, не то просто знакомая. У нее белые, собранные в пучок волосы и голубые глаза (и очень красивые ноги, но я этого не писал!). Она скользит между столами по-змеиному быстро, успевая уворачиваться от всех желающих ее ушипнуть. Она внезапно возникает и так же внезапно исчезает, точно растворяется в дыму, совсем как та, из Блока, которая “дышала духами и туманами”. Забавно: когда я однажды спросил, кто она, Зиновий уставился на меня с удивлением и даже дотронулся широкой бугристой ладонью до моего лба:

— Какая Галя? Я работаю один вот уже двадцать лет, парень! Какая девушка, кроме Мартины, выдержит пьяное общество “Бараньего клыка”?

...Это странное заведение мы любим давно. А кто — мы? Пора наконец припечатать всех к бумаге. Мы ведь долго еще будем жить на этих страницах. Может быть... может быть, так мы и впрямь никогда не умрём?

Впрочем, не слушайте, я будущий писатель. Меня часто несет в пафос.

Итак. Великолепная или не великолепная, но Восьмерка. С кого бы начать?

И я...

...начну...

...с тебя...

...Ника.

Она сейчас ближе всех ко мне и, как часто в последнее время, хмурится. Ника, моя упертая принципиалка с тяжелой рукой. Борец за справедливость. Нет, вовсе не за добро, только за справедливость. Когда окончит учебу, пойдет работать, и вот тогда преступному миру не поздоровится. Что можно еще сказать о Белорецкой? Сногсшибательная (этого я тоже не писал!). Потрясающие черные волнистые волосы, зеленые глаза и нереальная фигура. Да. Спортсменка. Красавица. В другое время была бы образцовым комсоргом. Но даже все это не заставило ее задержаться в нашей школе, так ее недолюбливали. Не только ее, всех нас. Но это другая история, ее и расскажет кто-нибудь другой.

А я пока продолжу.

Номер два. Мартина. Вообще-то Марина, но экзотичное имя она старательно выдает за основное. Короткое мальчишеское “Марти” тоже прилипло. “МартиНика” — Марти и Ника — были первыми, с кем я подружился. Вначале я принял их за сестер: темненькие, всегда вместе, говорят хором. Но на самом деле очень разные, даже фигурой: Марти откровенно гордится своей мальчишеской комплекцией. Хм... что-то я многовато распинаюсь о фигурах. Девочки, если вы читаете это, я вас обеих люблю одинаково, и совсем не за вашу грудь или попу!

Я уже сказал, что Ника принципиалка. А вот для Марти принципов нет. Также нет и правил, вообще, она слишком легко меняет обличья. Впрочем, для человека,